
Всё или ничего!

A colorful, fantastical painting of a stone staircase that spirals upwards into a rainbow-colored sky. The staircase is flanked by vibrant flowers and vines. In the background, a blue sea meets a sandy beach under a soft, colorful sky.

Арсен Казарян

Арсен Казарян
Все или ничего!

«ЛитРес: Самиздат»

1984

Казарян А. С.

Все или ничего! / А. С. Казарян — «ЛитРес: Самиздат», 1984

Повесть о молодом человеке, стремящемся преобразовать общество. Он зачарован образом Наполеона, он готовит себя к грандиозным задачам, он ставит перед собой великие цели. Его внутренняя энергия, сила его воли подтверждают реальную возможность достижения им своих целей. Но встреча с девушкой и в ее лице с обыденностью разрушает его внутреннюю гармонию, его устремления. Слабым звеном в нем оказывается его эмоциональный, чувственный мир.

В оформлении обложки использована картина Жак Луи Давида “Наполеон при переходе через Сен-Бернар”.

Copyright © Арсен Казарян, 1984

АРСЕН КАЗАРЯН

ВСЕ ИЛИ НИЧЕГО!

ПРОЛОГ

Дух

Чувства Человека

Сущность

Дух

Итак, вы утверждаете, что дух
Сломить способны чувства и желанья?
Что дух их раб, иллюзия пустая,
Возникшая в среде пищеваренья?..
Вы отрицаете тот факт, что смелый дух
Взлетает ввысь над суетой страданий?
Что высший дух смиряет чувства, страсти?
Что дух господствует над телом и собой?

Чувства

Господствует? Ха-ха. Дух и господство!
Что дух? Не чувства ль, вылитые в форму,
Принявшие свой необычный вид?
Нет! Чувства лишь владеют человеком
И плотью, то есть сущностью его.
Что сущность? – то животное начало.
Что дух? – попытка превзойти ее.

Сущность

Смешно, не правда ль, слушать рассужденья
Наивных о величии бытия.
Все то – желание, желание, желанье,
Боязнь животной сущности своей.
Дух!!! О, нелепость выбравшая форму!
О, глупость, порожденная собой!
Все сущность, сущность – все лишь в ней укрыто.
А дух? – ну, право ж, полно глупых слов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Он не вышел ни званьем, ни ростом.
Не за славу, не за плату –
На свой, необычный манер
Он по жизни шагал над помостом –
По канату, по канату,
Натянutoму, как нерв.

.....

Он смеялся над славою брeннoй,
Но хотел быть только первым –
Такого попробуй угрoбь!

В. Высоцкий

1

Над горизонтом поднимается солнце. Рождается новый день. Рождается Новый день, неукротимый как дух героя. С восходом солнца восходит новый герой, светлый, как солнце, и мрачный, как море, непонятный и противоречивый, как волны.

Рождается новый день.

Тяжелы роды, но еще более тяжела смерть недавно родившегося. Это багровое солнце, медленно и неуклонно скрывающееся за горизонтом. Это холодное, зловещее солнце, предвещающее напряженные сумерки. Сумерки героев.

Наступает ночь...

Ночную тьму пререзает лишь медленно догорающее пламя. Оно неукоснительно уменьшается в размерах, оно вот-вот погаснет.

От пристального взгляда на пламя свечи слезились глаза. Он подошел к окну. Ну почему кругом такая пустота? А ведь сейчас весна. О Боже, в каком он состоянии! Что-то непонятное, давя изнутри, причиняет нестерпимую боль. Нет, надо пересилить себя, надо писать, надо писать. В какую безмозглую тварь ты превратился! Пустота, кругом одна пустота и ничего больше. Пламя свечи гаснет, словно гаснет жизнь. Оно медленно уменьшается в размерах. Еще мгновение и оно погаснет. А потом?.. мрак?.. Как страшно! Но ведь приходят и уходят миллионы, миллиарды? Страшно представить. Надо писать, насколько бы это не было трудно; надо писать пока сам не превратился в грудку праха, чтобы затем одним единственным ударом отместить все мелкое и ничтожное. Как тягостно это падение, но рано или поздно надо шмякнуться о землю. Пусть, пусть живут лишь они – эти покорные рабы жизни.

Он прошелся по комнате. Мысли путались. Давно уже он потерял возможность четко и последовательно рассуждать. Все обрывочно, туманно. Горечь, одна лишь горечь. Горечь обид, горечь потерь. И в этой невозвратной дали – образы, искаженные горечью и временем. Прошли времена величайших сомнений, времена надежд и иллюзий. Теперь – пустота и опустошенность. Время стирает все и из дошедших обрывочных воспоминаний не составит вновь жизни.

Черт возьми, вечно что-то мешает, вечно мешает. Всю жизнь мешали. А теперь? ну развей кто-нибудь этот мрак, нарушь тишину. Что вы, оглохли все?! Не надо, не надо совать нос в чужие дела!

Ха-ха-ха, да ты еще и сердиться можешь? Все просто, сногшибательно просто, вот это-то и бесит тебя. Все просто: есть ты – нет тебя и больше ничего. Нет, так невозможно, так не должно продолжаться, ты должен писать, а то отдашь концы прежде, чем закончишь свой труд. О! если бы его спросили – “Чего же ты добиваешься, чего хочешь напоследок?”, он бы ответил – потрясти до основания застывшее в своем довольстве человеческое сознание.

Он сжал кулаки. Единственная реальная сила, которая у него оставалась – это были его кулаки, это была его плоть, его мозг. Его хотели понять... Что ж, он приоткроет двери своего мира.

2

Обернешься назад – туманная дымка, дымка времени. Сквозь нее едва вырисовываются тени прошлого. Напрягая воображение, силишься дать им законченный вид. Впереди та же дымка и больше ничего. И опять воображение силится найти: что же там, в дымке будущего. И ты стоишь в этой сплошной дымке, тщетно пытаешься найти цель своего существования.

И назойливо, вновь и вновь звучал в его ушах голос старушки, хозяйки дома в котором он жил, – “Цель жизни – это наслаждение, еще никто ничего не получал от учений”.

Цель жизни – это наслаждение. Дьявольски железная истина, разбивающая все остальные доводы и оправдывающая Их, тщеславных, набивающих карманы, пустословных и довольных. Самое главное, довольных!

Но, что мне до них! Мое солнце светит только мне. И лишь я вижу его во всей красоте своего величия. Мрак остальных да будет их заботой!

То, что ты несешь в себе, прокладывает бездну между тобой и остальными. Да, ты состоишь из той же плоти, из тех же вен и нервов. Да, перед тобой горький опыт миллионов. Пред тобой жизнь безразлично и холодно бросающая жребий. И абсолютная бессмысленность пути.

Но ты живешь! А кто-то идет на преступления, попирая чужие права, рискуя своей жизнью и проявляя огромную жизненную энергию, а ты, окунувшись в бездну мыслей – бездействуешь. Неужели обязательно кто-то, обладающий властью, должен накинуть на тебя узду и гнать тебя и таких как ты на убийства и угнетение ради своих мелких и тщеславных целей? И ты подчиняешься, ты вынужден будешь подчиняться. Ты исполняешь чужую волю, в то время как тебе лень выполнять свои желания.

3

Мерцающее пламя свечи освещало лицо. На стене вырисовывалась его громадная тень. Внезапно, со злостью сжав кулаки, он взглянул на свою тень.

– Что мне жизнь, скажи?!

В ушах звенящей тишиной прозвучал адский смех. Его сковал ужас. За спиной он явно ощущал чье-то присутствие. Он резко обернулся. Желтоватое пламя свечи вселяло спокойствие. Но сзади вновь чей-то пристальный взгляд. Он вновь резко обернулся. Его громадная тень и больше ничего. И вновь этот отгалкивающий, противный смех.

Смех перешел в хохот, резко звучащий в тишине. Внезапно его оглушила тишина и, пронзая тишину, раздался голос, отчетливо произносивший слова.

– Ты боишься смерти?

– Нет, нет, тысячу раз нет! – закричал он и вновь, резко обернувшись к своей тени, проговорил:

– Кто ты?!

Я, – с усмешкой произнес голос, – я – это дьявол, которого ты вырастил в себе, которого ты кормил своими противоречиями. Слушай внимательно. Внимай словам. Жизнь, прожитая тобой, оказалась пуста. Все нажитое тобой стало неотвязным бременем. Взгляни туда... Вот эта пронизывающая обыденной сыростью дорога ожидает тебя. Ты видишь? Впереди она и больше ничего!!! Неужели ты пойдешь по ней?! Взгляни же на это горящее солнце. Имя ему Бессмертие, имя ему Слава. Направься к нему и в игре со смертью ты обретешь бессмертие. И тогда остановится время, замрет, и ты во всем величии своей победы станешь над всем человечеством. Ты, один на один со своим духом, дрожа от упоения своей силой, превратив все прожитое в единое мгновение борьбы, ты взрешь, как взрыв. И, направляя свое ликование поверх Вселенной, ты взойдешь на новую ступень гордости и величия. И распростертый под тобой мир, серый и жалкий, как слабое и тусклое отражение твоего духа, расплывется перед твоим взглядом. И ты, в своем сверхвеличии вознесешься ввысь.

Осмелишься ли ты взметнуть к этому солнцу?

Он взглянул на пламя свечи, которое завораживало и от которого было трудно оторвать взгляд.

– Да.

– Запомни мои слова!.. запомни!.. Ты смертник. Твой каждый шаг – это смерть. Не задумываясь, ради своей цели, ты будешь ставить свою жизнь на карту. Каждый раз ты рискуешь жизнью, каждая ошибка – это смерть. Запомни – никаких компромиссов – ВСЕ ИЛИ НИЧЕГО!

Он устало опустил на стул и задул свечу. Лишь тлеющая точка виднелась во мраке. Она светилась еще несколько секунд и наконец, замерцав, потухла.

4

“Всегда одинокий среди людей, я возвращаюсь к своим мечтам лишь наедине с самим собой”... “Жизнь для меня бремя потому, что ничто не доставляет удовольствия и все мне в тягость. Она для меня бремя потому, что люди, с которыми я живу и с которыми, вероятно, должен жить всегда, нравственно столь же далеки от меня, как свет луны от света солнца...”

Наполеон Буонапарте¹

“О чем думал, о чем мечтал этот худой, бледный офицер в потертом на локтях мундире артиллериста, просиживая до поздней ночи при неярком отблеске свечи над книгами и листами исписанной бумаги? На что рассчитывал бедный лейтенант без роду, без племени, корсиканец с оливковым цветом лица, выговаривавший слова с нефранцузским произношением, пришелец, без связей, без знакомств, без денег, прозябавший в самом младшем офицерском звании в никому неведомой, глухой гарнизонной части?”

О! Дерзновенные мечты, грандиозные замыслы теснились под низкими сводами убогого жилища юного лейтенанта артиллерии.

Образ жизни младшего лейтенанта артиллеристского полка был крайне прост и беден событиями. В Валансе он посещал, наверное, не чаще одного-двух раз в день трактир “Трех голубей”; его трапеза была более чем скромна: стакан молока, кусок хлеба, несколько су на питание, не более того. Такую же полуголодную жизнь он вел в Оксонне. Он отказывал себе во всем: со времени отрочества бедность шла за ним по пятам.

Буонапарте жил нелюдимым отшельником; еще в Бриенне и Париже, а затем в Валансе и Оксонне он чурался сверстников – молодых дворянчиков, привыкших беззаботно сорить деньгами и ищущих развлечений. Ему было с ними не по пути, то были люди из иного мира: что могло быть у них общего?

Этот необщительный офицер сторонился товарищей по полку не только потому, что в карманах его потертого мундира не было серебра для кутежей и пирушек. Он чувствовал себя бесконечно далеким от них; в их шумном обществе он продолжал ощущать свой одиночество”.

5

Изучая биографии полководцев и видных политических деятелей, он убедился, что они действовали правильно и четко лишь до достижения верховной власти. После же они все совершали одну ошибку за другой, казалось, глаза их покрывала какая-то завеса. Возможно, причина заключается в том, что по мере выдвижения, проходя сквозь тысячи препятствий, утрачивается юношеская фантазия, отвага, теряется реальная оценка возможностей, общепринятые положения имеют все большее влияние на замыслы. Причина, вероятно, кроется и в том, что достижение власти считается наиболее трудным этапом, в то время как основная сложность заключена в последующих действиях. Информация о жизни низших слоев обычно доходит искаженной. Теряется связь между действием и результатом действия. Именно поэтому низы лучше чувствуют ошибки правления.

Чтоб избежать этого, он решил наметить основной курс, которому надлежит ему следовать после достижения власти и выполнения первоочередных задач. Для лучшего представления формы будущего государства он начал изучение основных трудов посвященных этой теме. Все мысли и идеи он решил объединить в трактате “Государство нового типа”.

Свободный от романтических иллюзий юности, он холодно взвешивал свои силы и возможности. Необходимо избегать лишней информации, не перегружать мозг, дав ему полную свободу размышлений. Для быстрого достижения любой, пусть даже самой ничтожной цели, концентрировать все свои усилия. Перед высокой целью рушится все мелкое, все препятствия. Необходимость заставляет иметь крепкое здоровье и большую трудоспособность. И, что очень важно, ему надо было выработать в себе такое индивидуальное качество, как способность руководить людьми, для чего нужен опыт и тонкое знание психики. Необходимость читать книги на иностранных языках вынуждает его начать изучение немецкого, а затем и русского языка.

6

Семь месяцев продолжалось его триумфальное шествие. Словно ураган, он пронесся над землей. Его ошеломляющие, поражающие успехи не поддавались воображению. Солдаты, казалось, не ощущали усталости, они чувствовали себя первенцами, строителями нового мира. После нескольких скупых строк, следовавших после начала боев, газеты, не придавшие тогда большой важности этим событиям, изливались теперь в описаниях. Одна победа следовала за другой, казалось – все, на этом должно заглохнуть это массовое движение, но бои продолжались, его легионы не знали поражения. Словно рыцари удачи, они бросали уже который раз вызов судьбе и вновь становились победителями. Если в первое время народ встречал их враждебно, а после с недоверием, то теперь ликованию его не было предела. Легионы свободы своим победоносным шествием, мужеством и устанавливаемой после себя справедливостью покоряли сердца.

Так, из ничего возникали образы, освещали воображение и исчезали. Мир, в котором он жил, все больше развивался, усложнялся, доходя порой до конечности и совершенства. Ради этого он работал, боролся. Пусть сейчас он лишен всего и терпит насмешливые взгляды, но тем светлее будет завтрашний день. Он знал, что безумствует в своих мечтах, но он был рад этому безумию – в нем, по крайней мере, не было обыденного и ничтожного, что он так презирал. Безумства, каковы бы они не были, всегда завораживают, но их боятся, им завидуют. Слишком

много в мире рассудительных и осторожных, с непониманием, со злой усмешкой и скрытым за ней восхищением глядящих из чуть приоткрытого окна своего довольства на отчаянные попытки разорвать цепи обыденной расчетливости, точно взвешенных действий и на желание дать волю необузданным чувствам, и беспредельной, граничащей с безумством, смелости.

Вечерами, после занятий в университете, он запирался у себя в комнате и начинал просматривать книги или же писать. Так проходили все его вечера. Когда же шел дождь, он раскрывал окна, выключал свет, садился и ... мечтал. Свежесть, которую приносил с собой дождь, звук падающих на крыши капель, завывание ветра вызывали в его воображении чарующие картины далекого Средневековья. Он представлял мрачные башни, крепостные сцены; потом видения сменяли старые английские поместья и теплые, уютные комнаты с колыхающимся пламенем каминов.

А когда начиналась гроза, удары грома сотрясали небо и сплошная пелена капель освещалась зловещим светом молний, он вставал у окна, ощущая в себе небывалый прилив энергии, он ликовал, он протягивал руки навстречу падающим струям, навстречу ветру, и глаза его озарял немой восторг. Он жадно вдыхал ртом свежий воздух, смешанный с дождевыми каплями, это была его стихия – дикая и необузданная.

7

Наполеон исподлобья взглянул на него и процедил сквозь зубы:

– Сможешь ли ты понять меня? смогут ли меня понять они? Расскажи я кому-нибудь в юности о своих стремлениях, меня бы подняли на смех. Но не они ли восхищались потом? Найди в себе сил выйти за обычные рамки смертных – они не для тебя. Основное, что ты должен уметь в совершенстве, так это быть актером, уметь всегда играть нужную роль. Тонкое чувство момента и искренность игры – вот секрет успеха. Ты же, в ком столь мало артистизма, сумеешь ли ты играть? На тебя будут смотреть как на сумасшедшего, сможешь ли ты противопоставить им свою волю? Сможешь ли вынести гнетущее одиночество и непонимание людей?

– Да.

– Знай, если в случае ошеломляющего успеха ты будешь окружен восхищением и завистью, то при небольших успехах будет одна лишь зависть. Любая же неудача – это смех и презрение. Помни об этом всегда! Смотри же, перед тобой твой путь. Вон там царит мрак и холод одиночества, оттуда нет возвращения. Оставь здесь свой страх, он тебе больше не понадобится.

И еще, не верь в судьбу, хватай все, что можешь своими руками.

– И это говоришь ты, преклоняющийся перед судьбой фаталист?

– До тебя не дошли мои слова – умей играть любую роль, будь то для себя или для других. Ты знаешь, что такое страх? Страх, когда в обожженной солнцем и чумой пустыне ты идешь во главе незнакомых, чужих тебе людей. Когда тысячи изнуренных и голодных с надеждойзирают на тебя, ожидая приказа, а ты, не менее голодный и усталый, играешь роль сильного, хотя полная безвыходность положения ясна только тебе. Знаешь ли ты, что такое страх, когда ты вынужден стоять посреди продырявленного ядрами поля и играть роль неуязвимого полубога? Этот страх и вынуждает играть роль верующего в судьбу, роль фаталиста.

Он с благодарностью глядел на него. Наполеон дарил ему силу, воодушевлял, поддерживал в трудную минуту. Он верил ему – этому человеку, бросившему вызов судьбе. Он видел в нем не императора, не военного гения, а человека, в ком даже в минуты наибольшего величия проступала фигура младшего лейтенанта Буонапарте – голодного и гордого, держащего руки за спиной, чтобы скрыть отсутствие перчаток.

8

Безумный в своем стремлении, он упорно добивался своей цели. Будучи решительным скептиком в душе, он оставался весьма робким в жизни. Теоретик психологии и человеческого общения, он абсолютно не умел общаться. Источником робости его была его мысль, вечно взвешивающая, вечно критикующая, с сомнением рассматривающая все его действия и поступки. Его чувственное восприятие остерегалось всего неизведанного, в то время как разум стремился вдалеку, его влекло все новое и, освоившись с ним, он вновь стремился вперед, в область таинственного, незнакомого. Обостренная чувствительность, которая жила в его крепком теле, была источником его вечных страданий. Его смелый разум, желая проявить себя, обретал формы смущения и робости и сам же грубо издевался над своими созданиями. И он глубоко презирал себя.

Его богатое воображение, способное разрисовать любые серые и невзрачные образы, невероятно увеличивало свой любой, даже самый ничтожный недостаток. Робость и нерешительность, развитые в детстве, продолжали жить в его душе и являлись источником невыносимых страданий. Но, глядя на бездарностей, восхваляющих себя, на тех, кто своим чрезмерно надутым самолюбием поднимал свое ничтожное “Я”, его охватывала ярость. “Каждый из этих тварей возмнил себя черт знает чем! – горой, центром жизни, центром Вселенной. О, сколько раз я покорялся их уверенности! Но как они ничтожны в действительности. Перед восставшей озлобленностью они превращаются в дрожащих щенков, раскидывая которых можешь шагать к своей цели. Обуреваемые страхом, они покоряются малейшему изменению твоей воли. И они казались мне достойными противниками!”

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.